

взгляды, работоспособность и энтузиазм в науке и особенно его большое внимание к практическим работам, стали примером для его китайских студентов. Многие из его китайских студентов провели замечательные исследования по рептилиям, птицам и зверям и стали ведущими специалистами в этих направлениях. Конечно же это заслуга А. П. Кузякина

Вспоминая Александра Петровича Кузякина

Ю. П. Губарь

Александр Петрович оказал большое влияние на некоторые существенные стороны моей жизни, хотя я не входил в число его студентов, аспирантов или близких учеников. Осознание этого пришло, благодаря некоторым моим личным выступлениям, а также коллег, на заседаниях научных обществ, посвященных памяти А. П. Кузякина. Произошедшее со мной, а также многие другие причины, позволяют мне считать полезным для личностного восприятия издание сборника воспоминаний об этом замечательном ученом и человеке.

В 1957-1960 гг. я был студентом Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина и учившийся курсом старше А. В. Мошкин (однокурсник Н. Н. Дроздова и П. П. Второва) привел меня (своего подопечного и впоследствии соавтора) в удивительное сообщество. Называлось оно межвузовским студенческим объединением (официальное его название, возможно, звучит иначе). Работало оно при Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской и руководил им профессор А. П. Кузякин.

Возможно, меня не сильно поразила атмосфера этих собраний, и я, по наивности, полагал, что так должно и быть. Рабочая степень свободы, уважительное, дружеское, при всей горячности, обсуждение, насыщенное, по возможности конечно, содержание выступлений и реплик — все это, в значительной мере определялось личностью Александра Петровича. Обычно делалось это ненавязчиво, при необходимости — твердо. Здесь были равны (в «правах») зеленые энтузиасты и уже «маститые» докладчики — полевики, аспиранты и далее по рангам. При всей демократичности, позитив деятельности преобладал. Я оценил это позже, когда понял — мне повезло, не так много я видел впоследствии подобных обсуждений.

Здесь уместно вспомнить черты, характерную для Александра Петровича, — чем «зеленее» был его собеседник, докладчик, тем мягче, бережнее он обращался с ним, хотя пустословия он не терпел. Напротив, в баталиях «верхнего» уровня, на «взрослых» совещаниях, Александр Петрович бывал жестким и неуступчивым, мог быть и язвительным. Кстати, в то время, мне казалось, что личные отношения отделялись от научных споров — это были два разных поля.

На занятиях, конечно, Александр Петрович мог распекать студентов, но мне он запомнился скорее улыбчивым, добродушно посмеивающимся над попытками воспроизвести его точные манипуляции при работе с тушками зверьков. У него всё получалось легко, как бы само собой, вроде бы иначе и нельзя. Я наблюдал это и во время занятий на биостанции

в 1975 г., где Александр Петрович дал мне работу в тяжёлое для меня время. Это тоже было очень характерно для него — если он мог помочь, то он помогал.

Не буду говорить о роли Александра Петровича в науке. Об этом, есть кому сказать. У меня — личное. Попытаюсь изложить те его методические подходы при сборе, изучении и изложении материала, которые я приобрёл, осознал и усвоил в значительной степени благодаря Александру Петровичу.

Во-первых, кажется, от Александра Петровича я услышал лозунг «Термин — это знамя». Действительно, ведь знамя — это сигнал, который собирает бойцов в дыму сражения, или единомышленников в иных битвах. Термин, как необходимая ступень понимания. Этому учил Александр Петрович. Если адекватного и удобного термина нет, то его следует придумать и внятно обосновать его полезность, его отдельность от схожего термина, не впадая в избыточность.

Во-вторых, обнаружение смыслов в хаосе информации возможно путём ранжирования, структурирования массива данных. Тогда можно искальвать и неизвестное. Конечно, это азбука, но ко мне она пришла от Александра Петровича. Взять хотя бы простую операцию по оценке численности. Для меня, всю мою «карьеру» это было основным занятием. Мы выделяем виды: многочисленные, обычные, редкие и характерные из редких. На эту ось нанизывается масса уточнений, исключений и проч., но в «хаосе» уже проложена тропа. Мне это очень пригодилось, когда с 1980-х годов и до сравнительно недавнего времени я занимался проектами Оценок воздействия на окружающую среду (ОВОС). В них необходимо «восстанавливать» среднемноголетние характеристики животного населения при отсутствии представительных полевых данных на конкретных территориях, ведь данные за 1-2 сезона случайны.

В-третьих, использование картографического кадастра, картосхем и вообще пространственная точность результатов из публикаций. Точечные схемы ареалов из «Определителя млекопитающих СССР» (1965) под редакцией А. П. Кузякина до сих пор не имеют аналогов и не потеряли своего значения. «Закрывая» точки нахождения леммингов к югу от Архангельска, я ориентировался по карте из этого источника.

В-четвёртых, разнообразие объектов внимания (птицы, рукокрылые, бабочки и проч.) и проблем с ними связанных для Александра Петровича было не разбросом интересов, а, в сущности, одним из инструментов глубокого познания природы, включая теории высокого уровня.

В-пятых, внимание к практической стороне исследований, будь то медицинская или сельскохозяйственная зоология, или практика научной работы, методика, от сбора полевых материалов до написания статей. Мне очень жаль, что я знаю о работе Александра Петровича с авторами только понаслышке. Однако даже она полезна. Поэтому к своим текстам стараюсь относиться строго. Не знаю насколько это получается.

В-шестых, жажда коллектирования, дремавшая во мне, в лице Александра Петровича, получила идеиную и технологическую поддержку. Он говорил: «Редкие виды надо добывать, они должны быть в коллекциях!»

К сожалению, тех высот, на которых работал Александр Петрович с коллекционным материалом мне достичь не удалось. Правда, кое-где кое-что хранится! В области таксiderмии руки Александра Петровича — это отдельная песня. Его сын, Владимир Александрович, к счастью унаследовал многое от отца, в том числе и замечательные руки.

В своё время Александр Петровичу не удалось «получить свою долю» в министерских баталиях за создание при кафедре зоологии проблемной лаборатории, которая была создана лишь в Московском государственном педагогическом институте (МГПИ) им. В. И. Ленина. Я имел удовольствие работать в ней с 1964 по 1974 гг. Считаю, что мне повезло там с руководством — научным С. П. Наумова и административным А. А. Иноземцева. Кроме того, кафедра зоологии МГПИ, особенно её орнитологическая составляющая, была очень сильной, но и та внимательность, с которой Александр Петрович растил «молодую поросль» была мне очень полезной.

Склоняясь перед памятью своих учителей — Петра Петровича Смолина, Иосифа Иосифовича Малевича, Николая Николаевича Руковского, Сергея Павловича Наумова и многих других, в числе их должен признать и значительное место Александра Петровича Кузякина. Учителей не забывают, если есть понимание того откуда что берется. Увы, от них при большем старании и способностях можно было бы получить, перенять много больше.

Не знаю, был бы Александр Петрович в восторге от того, что я считаю его одним из своих основных учителей, хотя и с ограниченным контактом, но для меня он — Учитель.

Воспоминания об Александре Петровиче Кузякине

Э. В. Рогачева

Я познакомилась с А. П. Кузякиным в 1950-е годы. К нам на кафедру зоогеографии географического факультета МГУ пришел новый преподаватель. Молодой, моложе остальных — ему было в это время лет 40. И сразу повеяло свежестью.

Мы любили своих преподавателей, все они читали хорошо. Но кафедра зоогеографии (потом она стала кафедрой биогеографии, объединившись с кафедрой географии растений) была организована недавно, и руководство кафедры, видимо, искало новых интересных преподавателей. И вот нашли А. П. Кузякина. Он читал менее академично — гораздо непосредственнее и веселее.

Я не помню точно, какие курсы он нам читал. Кажется, ландшафтную зоогеографию. И много говорил также о медицинской зоологии, о которой мы не имели представления.

Мы были первым выпуском кафедры зоогеографии — всего 5 человек: Н. Барсанова, В. Бутьев, Л. Лавров, Э. Рогачева, А. Столяров. Несмотря на нашу малочисленность, Александр Петрович с нами возился очень много. Кроме лекций, он оставался и отвечал на наши бесконечные вопросы — о новых для нас областях науки. Он объяснял нам, зачем нужно создавать на кафедре учебную коллекцию птиц и млекопитающих